

От жестокой барщины до наших дней

Рассказ 104-летней колхозницы артели «Верный путь» Анны Ивановны Лукьяновой.

Вот, все просят рассказать о старине. А о чём рассказывать? Горе горькое да нужда беспросветная остались на памяти.

С одиннадцати лет пришлось гнуть спину на барина Петра Владимировича. Фамилию его забыла. Пахала, лён теребила, ягоды брала, ткала — и всё на барина.

Помню, как «выходили на волю». Так разве ж это воля была? Царь велел богатеям наделить землю беднякам. И что вы думаете — наделили? Ещё больше стали издеваться над нами. Царь велел отменить розги. Ну, думаем, заживёт спина мужицкая на воле. Не тут-то было. Досель помню, как после этой проклятой воли у нас заporоли Семёна Козлова за какое-то ослушание. И мужик-то был смиренный. Ему, бедняге, так «всыпали», что и часу после этого на свете не жил. Вот тебе и «воля».

Школы не было. Писать, читать мало-мальски учились у какого-нибудь старика. Спичек тоже не было. Добывали горячих углей у соседа и топили печи по-чёрному, когда дым, значит, выходит не в трубу (труб тогда не было), а в открытую дверь избы.

Горемычной была жизнь молодёжи, в особенности девушек. Одеться и обуться было не во что. Праздничным нарядом были платья из новины. Зелёной краски достать было очень трудно, поэтому девушку, одетую в новинное платье зелёного цвета, считали счастливницей. Большинство же девиц носило новинные платья жёлтого цвета.

До отмены крепостного права в 1861 году, да и после девушки росли для прихоти нашего развратного барина. Выйти замуж они могли лишь по воле своего господина и притом не за того, кто нравится, а за кого укажет барин. Так поступил наш барин и с моей старшей подругой Авдотьей Маркеловой: выдал её за нелюбимого, а на первую ночь после свадьбы вызвал к себе. Я вышла замуж в 1866 году уже после реформы 13-летним подростком. Тогда, правда, наш барин уже не так свирепствовал, и я вышла, как мне казалось, по своей воле и за любимого человека, а вернее сказать — вышла в таком ребячем возрасте — по глупости. Но так в то время поступали многие.

В первые годы коллективизации мне ещё удалось поработать в нашем колхозе, за мной даже лошадь была закреплена, а сейчас состою на иждивении своей 63-летней дочери. Вторая моя дочь, которой сейчас 76 лет, живёт в Москве и состоит на пенсии. Живём мы в колхозе неплохо, имеем корову и другое хозяйство. Дочери у меня, спасибо, хорошие, добрые. Сама я, признаться, на здоровье своё не жалею. Ещё по дому кое-что помогаю.

...Да, помаялись мы за господами-то, будь они прокляты на веки вечные. А почему долго живу, и сама не знаю. Уж видно натура такая.